

Глава 4

*Прощай, «Анненишуле», здравствуй, Университет!
В Швецию на «Бирме». Олимпийский дебют. Первый открытый чемпионат. Неожиданный отказ Кидсона. Абсолютный чемпион.
Хет-трик на «Юбилейном кубке». Поединок с царем.
Причисление к екатеринославским дворянам*

Наступил новый 1912 год – пора больших перемен в российском лаун-теннисе. «Если про 1911 год приходилось признаться, что он не отличался какими-либо выдающимися спортивными событиями, то о 1912 годе можно сказать совершенно обратное, – писал в Ежегоднике ВСЛТК за 1912-13 гг. Александр Стахович, – год этот в истории лаун-тенниса в России будет надолго памятным как по ряду выдающихся спортивных событий, так и по новым исключительной важности начинаниям Союза. Благодаря поездке графа М.Н. Сумарокова-Эльстона и А.А. Аленицына официальными представителями России на всемирное состязание, разыгранное на Олимпийских играх в Стокгольме, и последовавшему за сим приезде двух первоклассных иностранных игроков – англичанина Кидсона и австрийца графа Сальма на наши Всероссийские состязания – Россия вступила наконец, в минувшем летнем сезоне, в общую всемирную лаун-теннисную семью. Так давно ожидавшийся многими русскими спортсменами первый шаг, наконец, сделан; личные отношения завязались, и есть полное основание ожидать, что результатом этих отношений будет правильное спортивное общение между нашими спортсменами и спортивными корпорациями запада»¹

Да, 1912 год стал действительно судьбоносным в истории российского лаун-тенниса. Он оказался урожайным на многие важные события, но, пожалуй, самым главным из них было участие первых посланцев российского лаун-тенниса в Олимпийских играх в Стокгольме.

Памятным и очень напряженным выдался этот год и для Сумарокова: он успешно окончил «Анненишуле» и поступил в Петербургский университет, впервые стал абсолютным чемпионом России, дебютировал на Олимпийских играх и т.д. Только давайте обо всем по порядку.

Весна в Петербурге в том году запоздала. Многие загородные клубы открылись только в середине мая. И когда началось традиционное открытое весеннее состязание в Петербургском кружке спортсменов,

¹ Ежегодник ВСЛТК за 1912-13 гг. С. 58.

большинство игроков оказалось не в форме и от участия в состязании отказалось.

Отказался от него и Михаил Сумароков по весьма уважительной причине: он был загружен выпускными экзаменами в «Анненшупле» и подготовкой в Петербургский университет. Однако для того, чтобы получить право поступить в университет по окончании училища, нужно было сдать экзамены в одной из привилегированных гимназий города. 18-летний Миша успешно сдал эти экзамены и 1 июня получил:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие графу Михаилу Николаевичу Сумарокову-Эльстон, сыну потомственного дворянина, родившемуся 9 ноября 1893 года, и обучавшемуся 3 года в Училище при Евангелистическо-лютеранской церкви св. Анны в г. Санкт-Петербурге, в том, что он, граф Сумароков-Эльстон, подверглся испытанию зрелости в Санкт-Петербургской гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича и оказал на сем испытании нижеследующие познания:

Закон Божий	пять
Русский язык с церковно-славянским и словесность	четыре
Философская пропедевтика ¹	три
Законоведение	пять
Математика	три
Физика	пять
Математическая география	пять
История	четыре
География	три
Французский язык	пять
Немецкий язык	пять
Латинский язык	три

На основании чего и выдано ему сие свидетельство, предоставляющее ему права, обозначенные в параграфах 130-132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 г. Устава гимназий и прогимназий.

Санкт-Петербург, июня 1 дня 1912 г.²

Как видно из Свидетельства, 6 предметов Миша сдал на «отлично», 2 – на «хорошо» и 4 – на «удовлетворительно». Уже тогда он начал тяготеть к изучению гуманитарных предметов – законодательства и современных иностранных языков.

А затем про учебу и поступление в университет пришлось временно забыть и полностью переключиться на лаун-теннис. 4 июня на

¹ Пропедевтика – введение в какую-либо науку, предварительный, вводный курс, систематически изложенный в сжатой и элементарной форме.

² РГИА. Дело архивное № 59880.

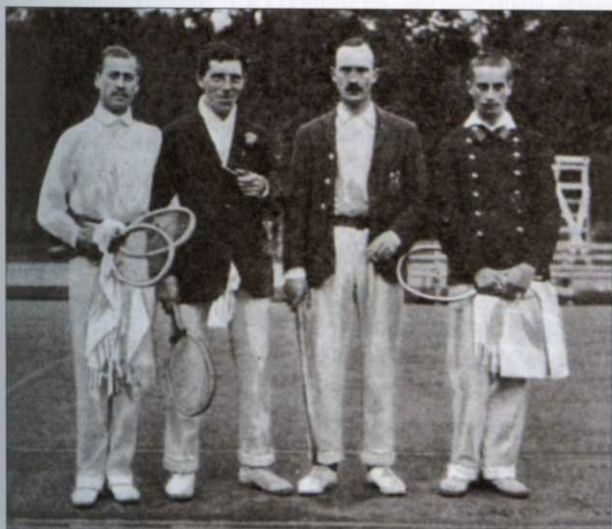
Общий вид гимнастического зала в "Анненшуле", удостоенного золотой медали на Всероссийской гигиенической выставке 1893 года

площадках Крестовского лаун-теннис клуба стартовал очередной чемпионат Петербурга – последняя прикидка сил перед V Олимпийскими играми в Стокгольме, где нашим теннисистам пришлось выступать впервые.

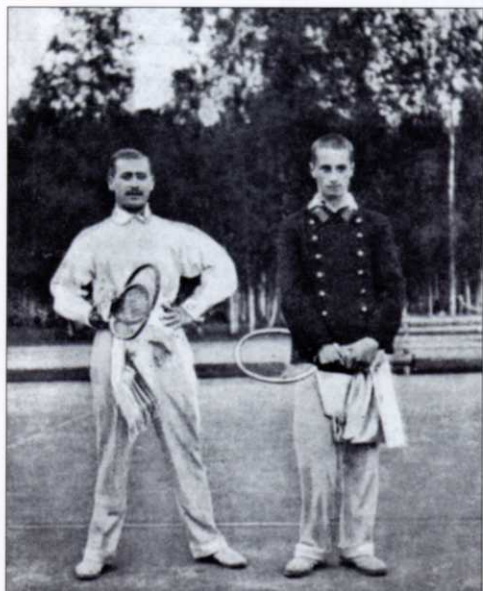
В полуфинале чемпионата Сумароков легко расправился с тогдашним кумиром теннисной Москвы Лаврентием Парбюри – 6:1 6:2, а в финале (10 июня) нанес поражение 3-кратному чемпиону Петербурга Александру Аленицыну – 6:0 4:6 6:4 6:2. Вот фактически и вся подготовка к Олимпийскому теннисному турниру, который начался уже спустя неделю после окончания чемпионата – 16 июня.

Правда, сама Олимпиада открылась несколько позже – 6 июля и стала настоящим праздником спорта для всех ее участников. Проводилась она по 14 видам спорта. На старт Олимпиады, по данным МОК, вышло 2 тысячи 407 спортсменов из 28 стран, в том числе 169 из России.

Российский теннис на Олимпиаде представляли всего два спортсмена – 18-летний чемпион России

Участники финала Открытого чемпионата Петербурга 1912 года в парном разряде (слева направо): Александр Аленицын, Иван Аллан, Лаврентий Парбюри и Михаил Сумароков

**Александр Аленицын
(слева)
и Михаил Сумароков –
первые теннисные
олимпийцы России
(1912)**

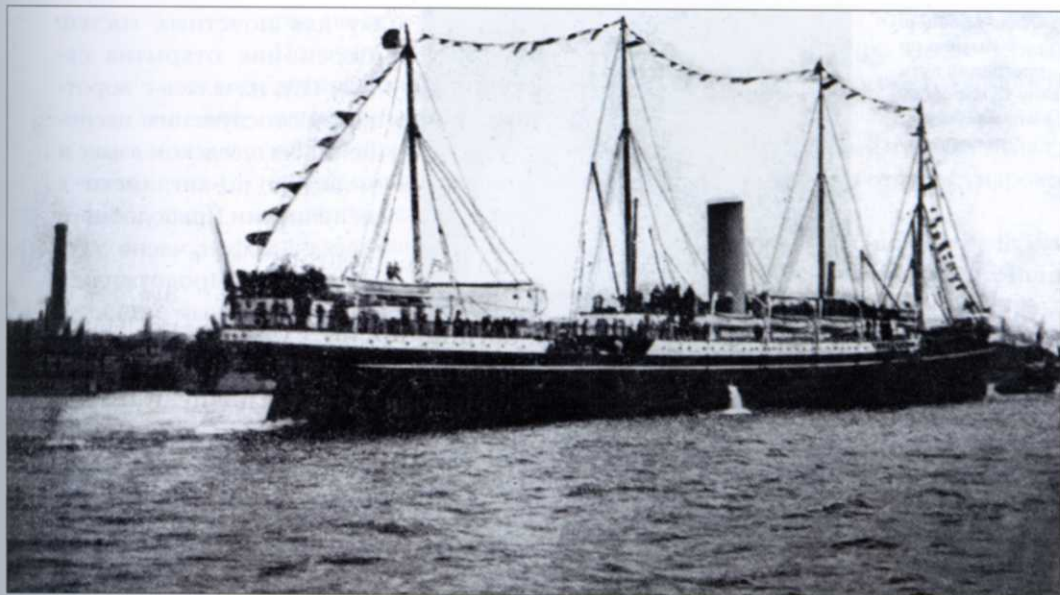
граф Михаил Сумароков-Эльстон и его земляк Александр Аленицын. Эта мини-команда являла собой своеобразный сплав молодости и опыта.

Как же добирались наши спортсмены до Стокгольма и как они там готовились к Олимпиаде? «Некоторые из спортсменов, – вспоминал позднее российский судья по борьбе, участник Олимпиады Людвиг Чаплинский, – не попали сразу на «Бирму» (пароход – *Б.Ф.*): она ушла почти на час ранее назначенного времени (в силу важных обстоятельств – *Б.Ф.*). Большинство оставшихся попали на специально законтрактованный буксир, посланный вдогонку. Кто-то (граф Сумароков, Р. Шварц и автор), благодаря любезности генерала Воейкова, устроились на императорской яхте «Стрела», догнавшей «Бирму» к часам 9 вечера (около Кронштадта. – *Б.Ф.*)¹

Утром, 13 июня, два судна с российскими олимпийцами на борту взяли курс на Стокгольм. Это были четырехмачтовый океанский пароход «Бирма» водоизмещением в 12 тысяч тонн, принадлежавший Восточно-Азиатскому пароходному обществу, и небольшая парусная яхта «Стрела», где размещалась штаб-квартира генерала Владимира Воейкова (члена Российского олимпийского комитета и Главного наблюдателя за физическим развитием народонаселения Российской империи. – *Б.Ф.*). «14 июня «Бирма», – сообщал журнал «Русский спорт», – благополучно доставила наших спортсменов в Стокгольм. В самом начале путешествия они имели счастье видеть Государя Императора, катавшегося с Августейшими Детьми на катере у Петергофа. Его Императорское Величество обошел на катере кругом «Бирмы». На пароходе оркестр играл гимн, и спортсмены кричали «ура». Такое высокое внимание к участникам олимпийских игр, конечно, не пройдет бесследно для дела спорта в России».

«Нас разместили в неудобных, плохо приспособленных для жилья каютах, в каждой по шесть человек, – вспоминал позднее доктор исторических наук Дмитрий Крадман, который входил в состав российской команды и плыл на этом пароходе. – Все лучшие места были отданы офицерам и членам Олимпийского комитета. Едва на горизонте показались шведские берега, к «Бирме» подошла королевская яхта, которая забрала на свой борт высокопоставленных особ. Олимпийцев ждал другой прием. Дело в том, что нам перед отъездом не ус-

¹ Л.А. Чаплинский. Воспоминания о V Олимпиаде (Впечатления русского судьи). «Геркулес», 1913, № 1.

Пароход "Бирма" –
плавающий дом
русских
олимпийцев

тели оформить заграничных паспортов. Мы вынуждены были жить на той же «Бирме» далеко от спортивных баз».

«Весь переезд «Бирмы» совершился при тихой погоде. Только вечером 13 июня пароход попал в сильный туман и шел очень тихо. В этом тумане «Стрела» отстала от «Бирмы». Рано утром 14 июня пришли в шхеры и здесь дожидались «Стрелу». В 11 часов пришли в Стокгольм и остановились временно в местности Вэрган, откуда «Бирма» будет переведена к самому Стокгольму, вслед за ушедшей туда «Стрелой» с генералом Воейковым.

Наши спортсмены не теряли времени. Утром, 13 июня, на палубе «Бирмы» они уже устроили тренировку. Первыми начали работать на брусках и турнике офицеры-гимнасты. Затем стали биться на рапирах и эспадронах. Даже стрелкам удалось пострелять из пистолета по мишени и из дробовиков по тарелкам. Для борцов устроили из матрацов и брезента арену, и они также тренировались. Кроме борцов Атлетического общества Северова, Анкудинова и Павловича, на «Бирму» попали два рижанина: Полис и Мезит. Легкие атлеты бегали вокруг палубы. Погода и все остальные условия путешествия были крайне благоприятными¹.

Торжественное открытие Олимпиады состоялось на Королевском стадионе «Расунда». Трибуны на 32 тысячи зрителей заполнены до отказа. В 11 часов утра на одной из башен стадиона раздался удар колокола. Затем фанфары торжественно возвестили о прибытии на стадион короля Швеции Густава V, которого проводили в ло-

¹ «Русский спорт», 1912, № 26.

Значок члена сборной
команды России,
участника
Стокгольмской
Олимпиады 1912 года,
ныне большая
редкость

